

УДК 821.161.1

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-1-49-57

КОМЕДИЯ В. ШКВАРКИНА «ЧУЖОЙ РЕБЕНОК» В ОЦЕНКАХ СОВЕТСКОЙ КРИТИКИ

А. Д. Новиков

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Москва

Введение. Даются краткая библиографическая справка, основные вехи творческого пути Василия Шкваркина. Воссоздается история постановок и публикаций пьесы «Чужой ребенок». Целью настоящей работы является выяснение значения пьесы «Чужой ребенок» для драматургии своего времени, для чего исследуются рецензии центральных, региональных, театральных изданий – реакции советской критики на постановки комедии в Москве и провинции. *Материалы и методы.* Методика исследования основана на историко-типологическом и герменевтическом подходах. *Результаты и обсуждение.* Раскрыта значимость пьесы «Чужой ребенок» в становлении советской комедии. Показано, что рецензии, опубликованные в газете «Правда», во многом определили направление и границы критической рецепции «Чужого ребенка». Пьеса Шкваркина оценивалась прессой как одна из важнейших комедий своего времени, поэтому ее рассматривали в контексте настоящего и будущего советской драматургии. Анализируя «Чужого ребенка», критика обозначала пути развития драматургии в СССР, демонстрировала на примере сильных и слабых сторон пьесы, к чему должна стремиться советская комедия. *Заключение.* Постановки пьесы «Чужой ребенок» имели огромный успех у зрителей и горячо обсуждались в прессе. В своих оценках региональные авторы следуют тексту рецензии С. Розенталя, опубликованной в газете «Правда». Отклик А. Солнца в «Правде» имел влияние на дальнейшее обсуждение пьесы. Простота сюжета «Чужого ребенка» воспринималась в положительном ключе, потому что соответствовала вкусу массового зрителя. Большинство рецензентов отмечали в «Чужом ребенке» и развлекательную, и нравоописательную функции. Пьеса Шкваркина характеризовалась как смешная, «искренняя» и «теплая». Критика ценила в ней оптимистическую картину будущего, которая воодушевляла аудиторию на упорную работу ради приближения счастливого завтра. К ней предъявляли одни и те же немногочисленные претензии: наличие некоторых неудачных каламбуров и нескольких недоработанных сюжетных ходов и персонажей. Она воспринималась как очень уверенный и существенный, пусть и не лишенный незначительных в целом недостатков, шаг на пути развития советской комедии. Художественные достоинства «Чужого ребенка» побудили критиков к рассуждениям о задачах комедий в Советском государстве.

Ключевые слова: В. В. Шкваркин, советская литература, комедия, советская драматургия, «Чужой ребенок», театральная критика.

Введение

Литературный дебют Василия Шкваркина (1894, Тверь – 1967, Москва) состоялся в 1925 г. На конкурс пьес МОНО он представил историческую драму «В глухое царствование» («Предательство Дегаева»), которая была отмечена жюри как одна из лучших и сразу поставлена. В 1926 г. он написал драму «Год-горн» («1905 год»), также получившую воплощение на сцене [1, с. 376]. В следующие полтора десятилетия Шкваркин пишет имеющие успех у зрителя комедийные пьесы: «Вокруг света на самом себе» (1927), «Вредный элемент» (1927), «Шулер» (1929), «Кто идет?» (1931), «Доктор Егор Кузнецов» (1932), «Простая девушка» (1936) и другие. В 1941 г. Шкваркин создает черновой вариант комедии «Принц Наполеон», но дописать ее сможет только после Великой Отечественной войны. Последние его произведения: драмы «Тоска по родине» («Мирные люди») и «Последний день» («Последний город», «Проклятое кафе»), написаны в 1942 и 1944 гг. соответственно. После войны Шкваркин занимается переработками старых пьес и переводом с осетинского языка комедии «Жени-

хи» Ашаха Токаева. Самым популярным и значимым произведением Василия Шкваркина является комедия «Чужой ребенок», которая шла с огромным успехом в СССР и за рубежом [2, с. 12].

Премьера комедии «Чужой ребенок» состоялась 28 октября 1933 г. на сцене Московского театра сатиры: «После премьеры ей предстояла длительная и интересная жизнь на сценах почти всех театров страны» [3, с. 731]. Вскоре комедия была поставлена в Большом театре [4, с. 4]. После показов в столице начинается многолетнее шествие «Чужого ребенка» по сценам Советского Союза. Так, с декабря 1933 г. комедия идет в Смоленске [5], с января 1934 – в Казани [6, с. 4], Курске [7, с. 4], Ленинск-Кузнецке [8]. Популярность комедии была такой высокой, что 28 февраля 1934 г. был создан радиоспектакль [9, с. 4].

Текст пьесы впервые был опубликован в 1933 г. в журнале «Театр и драматургия» [10, с. 1–15]. «Чужой ребенок» дважды переиздавался в сборниках комедий Шкваркина в 1954 [11] и 1966 [12] гг. С тех пор главное произведение Шкваркина не публиковалось. Будучи одним из самых известных

советских комедиографов в 1920–1930-е гг., Шкваркин практически не упоминается в исследованиях литературы этого периода. Достойное место в литературоведческих работах последнего десятилетия пьесы Шкваркина занимают в монографии В. В. Гудковой [13], которая также опубликовала водевиль Шкваркина «Лира напрокат» в сборнике «Забытые пьесы 1920–1930-х годов» [14].

Материал и методы

Материалом исследования являются рецензии в центральной, региональной прессе и театральных периодических изданиях на постановки «Чужого ребенка». Подход к ним определяется сравнением текстов, выделением и анализом принципиальных позиций тех особенностей комедии, которые отмечались в рецензиях, с целью определить критическое восприятие в оценке пьесы и ее значение в формировании путей развития советской драматургии.

Результаты исследования и обсуждение

Через несколько дней после премьеры «Чужого ребенка», 1 ноября 1933 г., в газете «Правда» публикуется рецензия С. Розенталя [15, с. 4], которую он начинает с того, что отмечает своевременность появления пьесы. Автор говорит о нехватке современного сатирического и комедийного репертуара: «Трудности театра идут главным образом от недостатка высококачественного, квалифицированного материала». Критик воспринимал премьеру «Чужого ребенка» как важное событие не только для Московского театра сатиры, но и для советской драматургии в целом. Он, отмечая «неудержимый хохот и аплодисменты зрителей», пишет об актуальности произведения: «В пьесе Шкваркина, искренне сделанной, есть элементы подлинно советской комедии, она свежа тематически, богата радостной шуткой». Характеристики «искренняя» и «подлинная» затем будут неоднократно использоваться при дальнейшем обсуждении пьесы в прессе.

Рецензент пишет о том, что конфликт в пьесе создается противостоянием не просто отцов и детей, а образов мысли двух эпох, и на этом основании положительно оценивает простоту сюжета. Простой сюжет позволил драматургу в доступной для зрителя форме отобразить борьбу нового человека с пережитками прошлого: «Эта ситуация дает автору возможность показать мораль и чувства людей сегодняшнего дня. <...> Еще борются в сознании и быту пережитки старого мира с ростками но-

вого мира». По мнению рецензента газеты «Правда», в пьесе комедиографу удалось изобразить «социалистическое отношение к человеку», затронув такие социально значимые темы, как роль женщины и ребенка в советском обществе, значение молодежи для страны. Но завязка сюжета интерпретируется Розенталем в пропагандистском ключе: «Начинающая актриса Караулова должна сыграть в старой, дореволюционной пьесе роль девушки, гонимой и презираемой всеми за то, что она родила внебрачного ребенка. Караулова не может „вчувствоваться“ в роль, ибо окружающая ее советская действительность не дает ей материала. Женщина и ее ребенок (все равно – законный или „незаконный“) в Советском Союзе окружены вниманием. Государство помогает женщине воспитать ребенка». Начиная таким образом пересказ сюжета, Розенталь настраивает читателя на политизированное восприятие конфликта, который вызван невозможностью нового советского человека понять и принять воззрения старого мира. Из текста рецензии современнику становилось ясно, что история, разворачивающаяся на даче Карауловых, имеет не локальный, а государственный масштаб. Но критик не противопоставляет, а соотносит «идейную» и «развлекательную» стороны «Чужого ребенка». Отмечает, что пьеса является не только идеологически верной, но и смешной. В дальнейшем региональная пресса будет заострять внимание именно на этом соответствии.

Читатель рецензии мог заключить, что «Чужой ребенок» является достижением советской драматургии, значимой для современности пьесой, которая легким, смешным языком говорит со зрителем на серьезные темы. Называя «Чужого ребенка» «удачным спектаклем», Розенталь относит к недостаткам произведения, «неорганичное вплетение в ткань пьесы» некоторых персонажей и эпизодов. Например, зубного врача Рывкинда, начальника Сенечки Перчаткина или Раи, чья история, по словам критика, «пришита белыми нитками»¹. Спасение дачи Карауловых с помощью газетной заметки в статье названо неудачным сюжетным ходом. Говорится о наличии нескольких «плоских» и «неудачных» острот. В качестве примера приводится реплика Александра Мироновича: «У меня был процесс в легких, пускай теперь будет в верховном суде» [10, с. 13]. Однако вывод автора рецензии в целом положительный: «Театр сатиры дал настоящую советскую комедию, веселую, доходчивую и жизнерадостную».

Спустя полтора месяца в газете «Правда» выходит еще один материал о «Чужом ребенке», подпи-

¹ В дальнейшем Шкваркин, скорее всего под влиянием критических замечаний, уберет из пьесы «пожилого зубного врача» Рывкинда, роль которого ограничена произнесением пары каламбуров в словесной перепалке с Сенечкой Перчаткиным. Так, в списке действующих лиц изданного в 1966 г. текста Рывкинд не значится.

санный А. Сольцем [16, с. 4]. Тот факт, что отклик на пьесу в главной газете СССР написал видный партийный деятель, еще раз подчеркивает значение комедии Шкваркина для своего времени. В заметке под названием «Человек меняет кожу» Сольц пишет о том, что Шкваркин в своей комедии талантливо изобразил человека новой формации, который борется с проявлениями устаревшего мировоззрения: «В форме веселой сатиры, от которой зрители все время покатываются со смеху, излагается весьма серьезная тема о том, с каким трудом творится новый человек, с новыми воззрениями на вещи и людей, как крепко старое живет в новом и мешает расти и развиваться». Сольц призывает бороться патриархальное и обывательское отношение к женщинам: «Мы провозгласили свободу женщины от всех прежних пут и предрассудков, а на деле она по сей час и сама еще во многом пребывает в прежней атмосфере отжитого, а со стороны окружающей среды встречает нередко старое к себе отношение». В этой рецензии со страниц центрального печатного органа страны транслируется идея необходимости помогать менее защищенным представителям общества. Читатель рецензии и зритель «Чужого ребенка» должен пойти за советской властью и помочь женщине освободиться от оков архаичного семейного уклада: «Развитие драматургии 1920–1930-х годов проходит под знаком обнаружения „новой человеческой породы“, новых представлений о женщине, о ее социальном статусе и самосознании» [17, с. 103]. Однако обыватель слишком слаб, чтобы в одиночку бороться с рудиментами прошлого, только в коллективе он способен прийти к принципиально новому пониманию мира: «Пьеса показывает, что, несмотря на то, что в индивидуальном человеке новое еще поверхностно, в нашем коллективе оно крепко и побеждает. Слаб еще человек, но коллектив могуч». Подводя итоги, Сольц обозначает главную ценность смеха как способность облегчить «снятие старой кожи»: «В целом мы движемся вперед, создаем нового человека, прокладываем правильный путь. <...> Это не смех сквозь слезы, а радость и творчество сквозь трудные и болезненные, смешные и уродливые мелочи жизни». О художественных особенностях «Чужого ребенка» Сольц практически не пишет, ограничиваясь лишь констатацией сатирических возможностей пьесы. Ее эстетическая ценность видится автору рецензии в способности смешно и доступно донести до зрителя идею новых отношений между людьми. Пьеса Шкваркина подтолкнула партийного функционера, члена Верховного Суда СССР, отреагировать в газете «Правда» на комедию.

Выступления газеты «Правда» во многом определили отношение рецензентов к «Чужому ребен-

ку». Примечательно, что авторы рецензий будут не только концептуально повторять суждения Розенталя, но даже употреблять схожие характеристики, пользоваться теми же словами. К основным тезисам рецензии будут возвращаться в развивающемся обсуждении «Чужого ребенка». Статья Сольца в «Правде», который рассматривал комедию Шкваркина не с художественной, а с идеологической позиции, перепечатывалась в региональной газете [8], на нее ссылались авторы новых рецензий на комедию Шкваркина [18, с. 63]. Таким образом, ее дальнейшая оценка прессой происходила с оглядкой на достоинства и недостатки, которые были отмечены в «Правде».

После постановки «Чужого ребенка» в Москве пьесу начали с успехом ставить по всей стране. Спектакли по комедии в регионах сопровождались положительными рецензиями в прессе: «С периферии уже доходят первые отклики на поставленные местными театрами последние комедийные новинки текущего сезона: „Чужой ребенок“ Шкваркина и „Вздор“ К. Финна. Эти отклики подчеркивают не только комедийный характер этих пьес, но и их тематическую серьезность. На первом плане, конечно, стоит идущий всюду с огромным успехом „Чужой ребенок“, становящийся „гвоздем“ сезона» [18, с. 62]. Успех «Чужого ребенка» был связан в первую очередь с художественными достоинствами пьесы. «Наконец-то мы увидели настоящую советскую комедию, жизнерадостную, занимательную, чрезвычайно тепло сделанную» [18, с. 62–63], – писала о ней астраханская газета «Коммунист». Советский зритель 1930-х гг. желал видеть комедии, которые, продолжая русскую комедийную традицию, отображали бы современную эпоху. Комедия «Чужой ребенок» удовлетворила эту потребность: «На повестке нашего театрального дня стоит создание советской комедии высокого литературно-художественного качества и идейного содержания, наших современных „Ревизора“, „Горя от ума“, „Недоросля“. Опыты текущего сезона <...> по созданию первых, хоть и достаточно робких образцов советской комедии, увенчались известным успехом, получившим общее признание и широкий театральный резонанс прежде всего именно благодаря этому всеобщему ожиданию комедии, общей тяге к ней» [18, с. 62]. На долгие годы приковав к себе внимание зрителей, «Чужой ребенок» воспринимался литературной критикой как одна из главных комедий современности.

С. Розенталь в своей рецензии использовал такие характеристики, как «подлинная», «искренняя», и критики по всей стране повторяли схожие определения, добавляя к ним еще более эмоциональные, лирические оценки: «теплая», «мягкая». «Большевистский молодняк» пишет: «искренне

смеетесь», «в спектакле много теплых, искренних сцен» [19, с. 4]. «Красная Татария»: «зритель получает искреннее удовольствие», «зритель оказывает чрезвычайно теплый прием», «теплый солнечный свет... мягкий лирический тон» [6, с. 4]. «Курская правда»: «Пьеса заканчивается теплыми сценами примирения», «...сыграли тепло и без фальши», «...создание подлинного социалистического театра» [7, с. 4]. «Рабочий путь»: «...теплый и лиричный рисунок роли...» [20, с. 4]. «Сталинец»: «...родители учтиво и тепло...», «подлинная человечность» [4, с. 4]. Астраханский «Коммунист»: «настоящая советская комедия... чрезвычайно тепло сделанная» [18, с. 62].

Не только зрительская любовь, но и критическая рецепция показывает, что Шкваркин сумел написать такую комедию, которая не оставила людей равнодушными. Зрители и критики хорошо отнеслись к истории Мани Карауловой, полюбили и не осудили ее родителей-стариков. Советская критика наравне с сатирой над устоями дореволюционного мира отмечала юмористическое начало в пьесе, выделяя человеколюбие Шкваркина в равной степени с его язвительностью. В оценках критиков зафиксировано желание советского зрителя 30-х г. видеть на сцене не только бичевание, борьбу с пороками, но и добрую улыбку над бытовыми сложностями.

Советская критика акцентировала внимание на способности жанра комедии заряжать зрителя необходимой для «трудовых будней» положительной энергией, что воспринималось как социально значимая функция: «Проблема комедии поставлена на повестку нашего театрального дня. Естественная тяга зрителя к радостному комедийному творчеству в театре, к смеху, чья роль в жизнеутверждении, в психической зарядке зрителя, конечно, сама по себе имеет огромное социальное значение. Важно только и эту жажду „театральности“ в театре, жажду смеха перевести в план художественных эмоций и идейной значительности» [18, с. 60]. Комедии помогали советскому человеку бороться с недостатками общества и вдохновляли на строительство будущего, о чем говорил В. Кирпотин в статье «Успехи советской драматургии»: «Советская драматургия при всей своей молодости и недостатках уже определилась как драматургия, утверждающая и жизнелюбивая, драматургия героической борьбы, оптимистического отношения к жизни, драматургия, помогающая осуществлению идеалов рабочего класса»; «Оптимистический, жизнерадостный и жизнеустрояющий характер советской драматургии особенно наглядно выделяется на фоне пессимизма и отчаяния лучшего, что есть еще в мировой драматургии, создаваемой писателями, не перешедшими на сторону рабочего класса» [21, с. 4–5].

Пьеса Шкваркина «Чужой ребенок» сочетает актуальную для советской действительности 1930-х годов проблематику и сюжет, который строится вокруг череды случайностей и любовной интриги. Критики отмечали, что Шкваркин написал комедию, которая не только развлекала, но и подталкивала зрителей к размышлениям: «Даже водевиль Шкваркина „Чужой ребенок“ имеет своей предпосылкой утверждение новых, свободных и равноправных взаимоотношений между полами, новых взаимоотношений между родителями и детьми и т. д.» [21, с. 5]. Простоту сюжета, вслед за Розенталем, авторы рецензий ставили в заслугу драматургу, потому сюжет, как и диалоги, заряжали зрителей положительными эмоциями.

Смоленская газета «Рабочий путь» [20, с. 4] констатирует сочетание развлекательного и идеологически значимого в «Чужом ребенке»: «На спектакле пьесы Шкваркина можно хорошо посмеяться, развлечься, отдохнуть. Но этого мало. На нем можно и призадуматься и кое над чем вполне серьезным и значительным. Он будит не только чувства, но и мысли. Вот в этой-то разносторонности воздействия на зрителя заключается ценность „Чужого ребенка“». Издание положительно оценивает, что «на малозначительном и несколько анекдотическом эпизоде, случившемся с начинающей актрисой Карауловой, автору неплохо удастся показать мораль людей, взятых из нашей советской повседневности». «Анекдотичность» сюжета никак не мешала «Чужому ребенку», по мнению газеты, отражая волнующие зрителя проблемы современности, показывать надобность противостоять изжившему себя дореволюционному взгляду на мир. Не остались незамеченными этой газетой профессиональные способности Шкваркина: «Он овладел мастерством построения занимательной комедийной интриги, острых сценических положений, легкого остроумного разговора и, что главное, владеет всем этим в процессе развития вполне серьезной и значительной темы». Рецензент «Рабочего пути» намеренно отвергает возможные предубеждения по поводу «несерьезности» комедии: «Неверно было бы думать, что если пьеса по форме своей является так называемой „комедией положений“, то это уже определяет ее пустоту и социальную невесомость. Наоборот. Несмотря на свою легкость, „Чужой ребенок“ небезуспешно пытается подняться на высоту значительной социальной темы, говорить о серьезных вещах, но говорить шуточно, весело, остроумно». Газета «Пролетарий Осетии» считает, что пьеса Шкваркина – не только «развлекательное, веселое зрелище, рассчитанное на здоровый смех», но и произведение о «новой морали». Издание указывает на то, что при постановке пьесы необходимо избегать «перехода в

фарс, превращения комедии в забавный двусмысленный анекдот, в веселый, незначащий пустячок» [18, с. 63]. «Курская правда» с одобрением пишет, что «сюжет и фабула просты» и отдельно хвалит концовку: «Конец, на первый взгляд, будто бы шаблонный. Но это далеко не так. Заключительные сцены последовательно и художественно-закономерно вытекают из всей пьесы» [7, с. 4]. Курская газета выделяет и художественность, и идейность пьесы: «Пьеса Шкваркина „Чужой ребенок“ – одна из лучших советских комедий. Она оптимистична. И этот оптимизм дает богатую эмоциональную зарядку зрителю. Идея комедии, заключающаяся в показе борьбы нового пролетарского мировоззрения, новых общественных отношений с пережитками капитализма, художественно-убедительно раскрыта Шкваркиным». Смоленская газета «Большевицкий молодняк» отмечает «занимательный сюжет пьесы» и видит в ней «веселую издевку над мещанством, обывательщиной, семейной древностью», «осмеяние мещан наших дней, пытающихся в наше будущее притащить трагедию „собачьих переулков“, обывательское понятие о счастье» [19, с. 4]. В «Сталинце» пьеса характеризуется как «жизнерадостная, бодрая, насыщенная смехом, утверждающая радость, искренность и человечность новых отношений между людьми и осмеивающая то мелкое, гадкое и ничтожное, что еще путается в ногах растущего человека» [4, с. 4].

Анализ региональной прессы показывает, что она следует за «Правдой» в оценках соотношения «смешного», «развлекательного» и «серьезного», «проблемного» в пьесе. Рецензентам было важно подчеркнуть, что зрителя, пришедшего на спектакль по пьесе Шкваркина, ожидал не только смех, но и социально-нравственное послание драматурга, которое не испаряется из головы, когда опускается занавес. Речь шла о легкости сюжета и интриги «Чужого ребенка» именно потому, что эта легкость способствовала донесению до зрителя идейного содержания комедии.

Ставя «Чужого ребенка» в первый ряд театральных произведений, критика предъявляла к пьесе высокие требования. Основные претензии к комедии Шкваркина также во многом повторяли замечания, высказанные уже в первом отклике «Правды»: неудачи отдельных комических речевых выражений и недостаточная разработка некоторых персонажей и сюжетных решений. «Во-первых, нужно сказать, что автор пьесы в погоне за обилием остроумных реплик и выражений включил в пьесу порядочно и плоских, обывательских зубокальств, которые театр зря не вычеркнул. Во-вторых, в пьесе нужно было как-то сгладить такие неудачные места, как, например, метод убеждения инженера сносить дачу и др.», – пишет «Больше-

вистский молодняк» [19, с. 4]. Астраханский «Коммунист» отмечает «некоторые плоские остроты и каламбуры и совершенно лишнюю фигуру зубного врача» [18, с. 62] Рывкинда, которого Розенталь характеризовал схожим образом. «Ленинский шахтер» указывает на «фальшивые места», критикует некоторые сюжетные ходы: «Недоумение у зрителя вызывает скоропалительное решение Маруси выйти за Федора Федоровича. Это никак не импонирует образу свободной критически мыслящей женщины, к тому же любящей другого. <...> И совсем ни к чему такое некрасивое жульничество с напечатанием статьи. Вряд ли можно рекомендовать зрителю использовать в таком роде советскую прессу» [22, с. 4]. Однако замечания были немногочисленны и соседствовали с положительными характеристиками пьесы: критика воспринимала «Чужого ребенка» как своего рода образец для подражания, по этой причине оценивала комедию Шкваркина в контексте не только настоящего, но и будущего советской комедии. Именно в связи с современным состоянием жанра комедии и ее будущим в СССР пьеса рассматривалась и в «профессиональной» театральной прессе. В 1934 году в журнале «Театр и драматургия» были опубликованы две статьи о пьесе Шкваркина.

И. Крути, сопоставляя «Чудесный сплав» Киршона и «Чужого ребенка», пишет о том, что центральными героями обеих пьес являются молодые люди, и все прочие персонажи введены, чтобы прославлять молодежь. В «Чужом ребенке» Шкваркин выводит заботы и желания молодежи на первый план. Она способна разорвать остаточные связи со «старым» миром и быть в авангарде строительства нового. И. Крути в том числе и Шкваркину приписывает новый подход к изображению молодежи: «Советская драматургия ныне впервые пробует правдиво показать молодого нашего человека и притом со стороны наиболее уязвимой – со стороны его интимных отношений, и притом без боязни посмеяться над маленькими его слабостями и чудачествами. Естественно поэтому, что автор за материалом для комедии обратился в первую голову к делам и быту нашего молодого поколения – самого счастливого в мире, самого здорового, героического и жизнерадостного» [23, с. 50]. Комедия Шкваркина, прославляя энергию молодости, рисует оптимистическую картину будущего, которое строят самоотверженные и находчивые молодые люди. Критик связывает мотив торжества молодости со спецификой жанра комедии и рассматривает жанровые особенности комедии Шкваркина. Он пишет о том, что драматург написал современную пьесу, которая остается в русле классической русской комедии: «Старая добрая водевильная шалунья-путаница вновь воскресла в комедии Шквар-

кина к большой радости зрителя, уставшего от жвачки бессюжетных пьес. Надо отдать ему справедливость, Шкваркин сумел в известной мере заставить шалунью-путаницу служить новым целям и задачам» [23, с. 51]. Но вместе с тем, отмечает критик, «жанровая чистота» пьесы привела к «скованности законами жанра», которая выразилась в «плоскости» и «одностратности» некоторых героев. С точки зрения критика, советская комедия должна быть занимательной и легкой, интересна своим сюжетом, но в то же время, «изображая большое в малом», быть не только развлекательным произведением, но и нести социально полезную идею, которая отражала бы, а не перевернула реальность, и утверждать нравы нового мира [23, с. 51]. «Чужой ребенок» в значительной степени соответствовал этому представлению, однако основная претензия автора статьи заключается в том, что в пьесе Шкваркина встречаются примеры шуток, которые сами по себе, в отрыве от произведения, служат исключительно поводом для смеха. И. Крути выступает против «механического» использования шуток в пьесе, которые не служат развитию сюжета и никак не укрепляют социально-нравственную идею произведения, а обладают сугубо комическим воздействием на зрителей. Критик полагает, что появление комизма в репликах должно быть обосновано не только желанием рассмешить: «Шутка, каламбур, острое словцо, фонетический фокус не вызовут возражений, если будут психологически, по существу оправданы, если они возникнут с предельной неизбежностью...» [23, с. 54]. Эта претензия связана с тем, что, по мнению критика, советская комедия может взять все лучшее от жанра, но должна стремиться к использованию не только комедийных приемов и ситуаций, избегать зрительского смеха как самоцели. Для критика развлекательная, смеховая составляющая произведения не может доминировать над его идеологическим компонентом, потому что советскому зрителю нужны только те комедии, которые умеют их совмещать. Заканчивается статья Крути положительным выводом: «Проблема советской комедии на пути к разрешению» [23, с. 55], – несмотря на то, что Шкваркину не всегда удавалось добиться гармонии «смешного» и «идейного» в комедии, критика видела в «Чужом ребенке» одно из самых значимых комедийных произведений современности.

В статье «Дело о смехе» М. Левидов называет Шкваркина «сильным драматургическим талантом», не отрицает серьезного отношения драматурга к своему произведению и акцентирует внимание на его профессиональных качествах: «И пьесу свою Шкваркин очень уверенно, мастерски строит. В этой пьесе он проявляет недюжинный талант

композиции (редко встречающийся у наших драматургов)... Интригу он ведет мастерски, жжет фейерверки великолепных сценических положений, ошеломляет неожиданными сюжетными поворотами, разыгрывает пьесу в плане виртуозной почти техники. И есть в этой пьесе моменты настоящей искренности и умной лирики» [24, с. 51]. Однако «Чужой ребенок» не всем смог угодить рецензенту. Наибольшее неприятие вызвал у критика открывающий диалог («Яков. Я спрашиваю: зачем приехал? Дорогу проводить? Костя. Ну, дорогу. Яков. В белых брюках можно время проводить, а не дороге» [10, с. 1]), и тот хохот, которым встретила диалог публика. Автор пишет, что подобного рода игра слов не имеет ценности для «Чужого ребенка» как для драматического произведения и вызывает у зрителя лишенный социальной значимости «белобрючный» смех [24, с. 54]. Причину недоработок «Чужого ребенка» критик видит в том, что современные драматурги еще просто не научились в полной мере отображать советскую действительность. Она настолько быстрая, волевая и героическая, что авторы драматургических произведений, пытаясь зафиксировать ее, «боятся конкурировать с эпохой в выдумке», что приводит к «рыхлости сюжета» [24, с. 52]. То есть недостатки «Чужого ребенка» в статье воспринимаются не как проблемы комедии Шкваркина или жанра в целом, а как общее место драматургии, которая по масштабам действия и мысли не может угнаться за советским государством.

Высказывание М. Левидова в «Театре и драматургии» является своего рода «руководством» будущим комедиографам. Зрители, чьи интересы представляет критик, хотят видеть современные пьесы, которые сумели бы передать величие эпохи, желают смотреть комедии, которые не замкнулись бы в жанровых условностях. Публика заинтересована в смехе, но не в бездумном. Смех не должен выступать в качестве главной цели для комедиографа. Таковы тезисы статьи. Так же, как и в рецензии «Правды», Левидов хвалит сюжет комедии, но предъявляет ту же самую претензию – «плоскость» некоторых каламбуров.

Заключение

Многочисленные отзывы критиков, сопровождающие постановки по всей стране, показывают, что «Чужой ребенок» стал театральным событием потому, что был написан на высоком профессиональном уровне и отвечал зрительскому запросу на пьесы, которые развивали бы русскую комедийную традицию, показывая современность. Общая тональность оценок была задана уже в первой рецензии, опубликованной в газете «Правда». Большинство авторов отмечали в «Чужом ребенке» и раз-

влекательную, и нравоописательную функции. Ценилась и та праздничная атмосфера, которую дарила пьеса, и тот социально-нравственный посыл, который она несла в себе. Зрителям и критике пришлось по душе написанная Шкваркиным оптимистическая картина будущего, которая воодушевляла на трудовые подвиги. Критики одобряли понятные массовому зрителю язык и сюжет. Простота сюжета рассматривалась как сильная сторона комедии, позволяющая донести до зрителя идею произведения. Постановка пьесы воспринималась как очень уверенный и существенный шаг на пути развития советской комедии, хотя авторы из рецензии в рецензию и отмечали указанные С. Розента-

лем «плоскость» некоторых острот и недостаточную разработанность нескольких персонажей, сюжетных ходов. Художественные достоинства пьесы В. Шкваркина подтолкнули критиков к разговору о значении комедий для страны, настоящем и будущем месте жанра в советском театре. Реакция периодических изданий – центральных и провинциальных, общественно-партийных и специализированных подтверждает существенную роль пьесы В. Шкваркина «Чужой ребенок» в советской литературе 1930-х гг. и в истории русской драматургии XX в. Его драматургические произведения заслуживают внимания со стороны специалистов по советской литературе.

Список литературы

1. Уварова Е. Поединок с оборотничеством // Парадокс о драме: перечитывая пьесы 1920–1930-х годов / отв. ред. Е. И. Стрельцова. М.: Наука, 1993. С. 376–400.
2. Николаев Д. Д. О единстве русской комической литературы XX века // Комическое в русской литературе XX века / сост. и отв. ред. Д. Д. Николаев. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 5–19.
3. Муромский В. П. Шкваркин Василий Васильевич // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: библиографический словарь: в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 3: П–Я. С. 729–732.
4. Зорич З. Н. «Чужой ребенок» в Большом театре // Сталинец. 1934. 14 февраля. № 1019.
5. Рабочий путь. 1933. 6 декабря. № 295.
6. Бурган С., Гинзбург Е. «Чужой ребенок» в Татарском академическом театре // Красная Татария. 1934. 27 января. № 21 (4792).
7. «Чужой ребенок» // Курская правда. 1934. 12 января. № 10. (3243).
8. Ленинский шахтер. 1934. 29 января. № 20 (858).
9. Рецензия из-за полярного круга // Правда. 1934. 6 марта. № 64 (5950).
10. Шкваркин В. В. Чужой ребенок // Театр и драматургия. 1933. Декабрь. № 9. С. 1–15.
11. Шкваркин В. В. Комедии. М.: Советский писатель, 1954. 310 с.
12. Шкваркин В. В. Комедии / вступит. статья И. Штока; примеч. Л. Нимвицкой. М.: Искусство, 1966. 374 с.
13. Гудкова В. В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 456 с.
14. Забытые пьесы 1920–1930-х годов / сост., текстологич. подготовка, вступ. статья, историко-реальный коммент., сведения о постановках пьес и биографиях авторов В. В. Гудкова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 992 с.
15. Розенталь С. «Чужой ребенок» В. Шкваркина // Правда. 1933. 1 ноября. № 302 (5828).
16. Сольц А. Человек меняет кожу («Чужой ребенок») // Правда. 1933. 17 декабря. № 346 (5872).
17. Дашевская О. А. Типология женских образов в драматургии 1930-х годов и становление психологической драмы // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Томск: Томский государственный университет, 2009. № 10. С. 102–125.
18. Дельта. На местах // Театр и драматургия. 1934. Апрель. № 4. С. 60–63.
19. Ардаматский В. «Чужой ребенок» // Большевицкий молодец. 1933. 10 декабря. № 287 (1388).
20. «Чужой ребенок» // Рабочий путь. 1933. 14 декабря. № 302.
21. Кирпотин В. Успехи советской драматургии // Театр и драматургия. 1934. Август. № 8 (17). С. 1–5.
22. «Чужой ребенок» // Ленинский шахтер. 1934. 4 февраля. № 25 (863).
23. Крути И. Чудесный сплав // Театр и драматургия. 1934. Июль. № 7. С. 49–55.
24. Левидов М. Дело о смехе // Театр и драматургия. 1934. Март. № 3. С. 50–55.

Новиков Алексей Дмитриевич, аспирант, Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН (ул. Поварская, 25А, Москва, Россия, 121069). E-mail: logos404@gmail.com

Материал поступил в редакцию 10.12.2018.

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-1-49-57

COMEDY “ALIEN CHILD” BY V. SHKVARKIN IN ESTIMATES OF SOVIET CRITICISM

A. N. Novikov

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Introduction. A brief bibliography, the main milestones of the creative path of Vasily Shkvarkin are given. The history of the plays and publications of the play “Alien Child” is recreated. *Aim and objectives.* The purposes of this paper is to review the reactions of Soviet criticism to the performances of the comedy «Alien Child» by V. Shkvarkin and to study the meaning that the play had for Soviet dramaturgy of its time. *Materials and research methods.* The research methodology is based on the historical-typological and hermeneutic approaches. *Results and discussion.* The study revealed the significance of the role played by the play “Alien Child” in the development of the Soviet comedy. It is shown that the reviews published in the newspaper “Pravda” to a large extent determined further critical discussion of the comedy framework. *Conclusion.* The performances of «Alien Child» were a huge success with the audience and were hotly discussed in the press. Regional authors in their assessments, follow the text of a review by Rosenthal, published in the «Pravda» newspaper. The piece by Shkvarkin was one of the most important modern comedies, so the “Alien Child” was estimated in a press within the framework of soviet drama in general. The simplicity of the plot of «Alien Child» was perceived in a positive way. Shkvarkin’s play was rated as funny, “sincere” and “warm”. Most reviewers noted in the «Alien Child» both entertaining and moral-like functions. Shkvarkin’s comedy was perceived as a very confident and significant, if not without some flaws, a step towards the development of Soviet comedy. Criticism appreciated the optimistic picture of the future that inspired the audience to work hard for the sake of a happy tomorrow. The same few claims were made to it: some unsuccessful puns and several unfinished plot moves and characters. It was perceived as a very confident and significant, though not devoid of in general insignificant flaws, step towards the development of the Soviet comedy. The artistic merits of “Alien Child” led critics to speculations about the tasks of comedies in the Soviet state.

Key words: V. V. Shkvarkin, Soviet literature, comedy, Soviet dramaturgy, “Alien Child”, theater criticism.

References

1. Uvarova E. Poedinok s oborotnichestvom [Duel with oborotnichestvo]. *Paradoks o drame: perechityvaya p'esy 1920–1930-h godov*. Otv. red. E. I. Strel'tsova [Paradox about drama: rereading the plays of the 1920–1930s. Executive editor E. I. Strel'tsova]. Moscow, Nauka Publ., 1993. Pp. 376–400 (in Russian).
2. Nikolaev D. D. O edinstve russkoy komicheskoy literatury XX veka [On the unity of the Russian comic literature of the XX century]. *Komicheskoye v russkoy literature XX veka* [Comic in Russian literature of the twentieth century]. Moscow, Institute of World Literature named after A. M. Gorky RAS Publ., 2014. Pp. 5–19 (in Russian).
3. Muromskiy V. P. Shkvarin Vasilij Vasil'yevich [Shkvarkin Vasily Vasilyevich]. *Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi: bibliograficheskiy slovar': v 3 t.* Pod red. N. N. Skatova [Russian literature of the 20th century. Prose writers, poets, playwrights: a bibliographic dictionary]. Moscow, OLMA-PRESS Invest Publ., 2005. T. 3. P-Ya (in Russian), pp. 729–732.
4. Zorich Z. N. «Chuzhoy rebyonok» v Bol'shom teatre [«Alien child» in the Big theater]. Stalinets, 1934, vol. 1019 (in Russian).
5. *Rabochiy put'*, 1933, vol. 295 (in Russian).
6. Burgan S., Ginzburg E. «Chuzhoy rebenok» v Tatarskom akademicheskom teatre [«Alien Child» in the Tatar Academic Theater]. *Krasnaya Tatarskiya*, 1934, vol. 21 (4792) (in Russian).
7. «Chuzhoy rebenok» [«Alien Child»]. *Kurskaya pravda*, 1934, vol. 10 (3243) (in Russian).
8. *Leninskiy shakhtyor*, 1934, vol. 20 (858) (in Russian).
9. *Retsenziya iz-za polyarnogo kruga* [Polar circle review]. *Pravda*, 1934, vol. 64 (5950) (in Russian).
10. Shkvarkin V. V. Chuzhoy rebyonok [Alien Child]. *Teatr i dramaturgiya*, 1933, vol. 9, pp. 1–15 (in Russian).
11. Shkvarkin V. V. *Komedii* [Comedies]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1954. 310 p. (in Russian).
12. Shkvarkin V. V. *Komedii* [Comedies]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1966. 374 p. (in Russian).
13. Gudkova V. V. *Rozhdeniye sovetkikh syuzhetov: tipologiya otechestvennoy dramy 1920-kh – nachala 1930-kh godov* [The birth of Soviet plots: a typology of the domestic drama of the 1920s and early 1930s]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2008. 456 p. (in Russian).
14. *Zabytye p'esy 1920–1930-kh godov* [The forgotten plays of the 1920s and 1930s]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2014. 992 p. (in Russian).
15. Rozental' S. «Chuzhoy rebenok» V. Shkvarkina [«Alien Child» by V. Shkvarkin]. *Pravda*, 1933, vol. 302 (5828) (in Russian).
16. Sol'ts A. Chelovek menyaet kozhu («Chuzhoy rebenok») [Man changes skin («Alien Child»)]. *Pravda*, 1933, vol. 346 (5872) (in Russian).
17. Dashevskaya O. A. Tipologiya zhenskikh obrazov v dramaturgii 1930-kh godov [Typology of female images in dramaturgy of the 1930s]. *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog*, 2009, no. 10. pp. 102–125 (in Russian).

18. Delta. Na mestakh [In place]. *Teatr i dramaturgiya*, 1934, vol. 4, pp. 60–63 (in Russian).
19. Ardamatskiy V. «Chuzhoy rebenok» [«Alien Child»]. *Bol'shevistskiy molodnyak*, 1933, vol. 287 (1388) (in Russian).
20. «Chuzhoy rebenok» [«Alien Child»]. *Rabochiy put'*, 1933, vol 302 (in Russian).
21. Kirpotin V. Uspexi sovetskoy dramaturgii [Successes of the Soviet dramaturgy]. *Teatr i dramaturgiya*, 1934, vol. 8 (17), pp. 1–5 (in Russian).
22. «Chuzhoy rebenok» [«Alien Child»]. *Leninskiy shakhtyor*, 1934, vol. 25 (863) (in Russian).
23. Kruti I. Chudesnyy splav [Wonderful alloy]. *Teatr i dramaturgiya*, 1934, vol. 7, pp. 49–55 (in Russian).
24. Levidov M. Delo o smekhe [A case of laughter]. *Teatr i dramaturgiya*, 1934, vol. 3, pp. 50–55 (in Russian).

Novikov A. D., A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science (ul. Povarskaya 25A, Moscow, Russian Federation, 121069). E-mail: logos404@gmail.com